

ЗАМЕТКИ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Р. J.

В этой записной книжке собраны разрозненные мысли об основных идеях, позволяющих построить последовательную теорию экономики, на базе философии унизма и иерархического подхода. Поскольку экономика существует только как экономика определенной общественно-экономической формации, выделение политической экономии в особый раздел — чистая условность.

* * *

Производительные силы имеют как объективную, так и субъективную стороны. Объективно — это степень освоения окружающего мира, включения его в круг человеческой деятельности. Субъективно — производительность труда, способы влияния на мир.

Производительность труда, в свою очередь, имеет качественную и количественную стороны, характеризующие, соответственно, «технологичность» производства, способ деятельности — и степень освоения имеющихся технологий, совершенство самих работников.

* * *

Различные категории политической экономии: потребительная способность, спрос, покупательная способность, емкость рынка. Потребительная способность — наиболее непосредственно выражает общественную потребность в некотором продукте. Спрос — мера общественного осознания этой потребности. Покупательная способность зависит от степени развития рыночных отношений, от уровня капитализации экономики — иными словами, от того, какая часть спроса может быть удовлетворена через рынок. Наконец, емкость рынка — показатель соответствия, согласованности темпов производства и рыночного обмена, эффективности имеющихся форм товарного распределения.

Ни одна из этих категорий не противостоит категории «производительные силы» — и потому нельзя говорить о противоречиях. Производительные силы могут вступать в противоречие только с производственными отношениями, следствием которых в определенных исторических условиях являются и потребительная способность, и спрос, и покупательная способность, и емкость рынка.

* * *

Всякое производство есть одновременно и потребление — и наоборот, любое потребление есть непосредственно и производство. Разграничение сфер потребления и производства есть, в общем случае, абстракция и условность. Однако такое разделение может стать действительным при определенных условиях, когда определяющими в экономическом развитии являются лишь некоторые отрасли производства — а все остальное противостоит этим собственно производственным отраслям как сфера потребления. По отношению же к отдельному производителю (поскольку он действительно выделен, обособлен в совокупности имеющихся производственных отношений) экономика в целом выступает в качестве потребителя его продукции; таким образом, различие потребления и производства есть общественное выражение разобщенности производителей, их отчужденности от общества в целом, от каждого человека в отдельности — и от самих себя как потребителей. Поскольку общество еще

не стало целостностью, единым субъектом — человек еще не сложился как человек.

Поскольку и производство, и потребление — стороны единого процесса воспроизводства, противоречия между ними есть вместе с тем внутренние противоречия производства или потребления, выражение их собственных диспропорций. Со стороны производства это выглядит разладом производительных сил; со стороны потребления — кризис производственных отношений.

* * *

Всякий товар имеет две стороны — ценность (потребительная стоимость) и стоимость. Их различие соответствуют противоположности качества и количества — две стороны существования любой единичной вещи. Но точно так же, как количество переходит в качество и наоборот, — стоимость и ценность товара постоянно перетекают друг в друга. Разумеется, такое превращение осуществляется в цикле товарного воспроизводства — в процессах производства и потребления.

Взаимопревращения ценности и стоимости товара приводят к постоянному перепутыванию соответствующих категорий в разного рода экономических теориях. отождествление стоимости и ценности в буржуазной политэкономии способствует маскировке классовой природы товарного производства как такового, замазывает противоположность между буржуа и пролетариями. Другая крайность — жесткое противопоставление количественной и качественной сторон товара — неизбежно приходит к абстрактному противопоставлению классов, не учитывающему их взаимообусловленности и взаимопроникновения; при этом производственные отношения понимаются крайне примитивно, только классовая борьба, — и теряется нить развития способа производства.

* * *

Деньги — не бумага. Они то, что на ней напечатано.

Любой продукт — не сводится к материалу, к вещи, он есть прежде всего некая цель, предназначение. Такая предназначенность возникает в материале посредством особых общественных отношений — материал как бы насыщается духом. Точно так же, деньги не сводятся к денежным знакам, они только овеществляются в них, оставаясь экономическим отношением, способом уравнивания продуктов и тем самым объединения экономики, ее универсализации. Разумеется, такой именно способ связан с определенным уровнем развития производительных сил, и он должен уступить место другому по мере их развития и перерастания классовых отношений в отношения собственно человеческие.

* * *

За рыночными отношениями между бесчисленными единичными хозяйствами, внешне никак не зависящими одно от другого, скрываются вполне определенные хозяйственные связи, производственные отношения.

Мировое хозяйство: иерархия производственных отношений и соответствующих им отношений обмена в мировом масштабе.

Решающую роль в процессе объединения единичных, национальных экономик в единое мировое хозяйство играют средства сообщения, связи, коммуникации. Связь — нервная система экономики. Рыхлое, разобщенное хозяйство, в котором отдельные его части слабо влияют на другие, — подобно низшим организмам, колониям простейших, в которых еще не развилась иерархия органов; по сути дела, это еще не организм — тем более, не субъект деятельности.

* * *

Стоимость не есть свойство вещи самой по себе, вне процесса воспроизводства. Напротив, объективность общественных связей, отношений между людьми в процессе материального производства — принимает форму свойства вещи; вещь как бы наделяется человеческими чертами, превращается из объекта в субъект. Высшее выражение такого «очеловечивания» вещи — капитал.

* * *

Стоимость — мера человеческого труда, который воплощается в своем продукте, делая его не просто вещью, а представителем человека, его «законсервированной» деятельностью.

Однако стоимость — не есть всеобщая, универсальная мера труда. Это лишь одна его сторона, связанная с процессами товарного обмена. Но человеческий труд отнюдь не во всем направлен на обмен. Буржуазная ограниченность взглядов, обожествляющая рынок, не замечает ничего, что не вписывается в убогую схему рыночных отношений. Поэтому буржуазная политэкономия не в состоянии выработать представление о каком-то ином, отличном от капиталистического способе производства. Уничтожение торгашества становится для нее синонимом конца света.

На самом же деле, устранение рабской зависимости от обмена — лишь раскрепощает человеческий труд и делает отношения между людьми собственно человеческими, свободными — а не просто партнерством, или товариществом.

* * *

Кризисы в экономике затрагивают прежде всего ее высшие, наиболее технологически развитые уровни. Примитивное производство способно пережить и экономический спад, и войну. Однако по мере преодоления кризиса темпы роста технологически передовых производств значительно выше — и характер производства в целом определяется именно ими.

* * *

Методы организации производства, способы управления и технологические решения — не выражают сами по себе специфики капиталистического производства. Какое-либо экономическое явление носит капиталистический характер лишь в той мере, в которой оно опирается на рыночные отношения, товарное производство, собственность.

* * *

Посредничество — один из способов объединения разрозненных хозяйств в нечто целостное. В капиталистическом обществе посредник неизбежно оказывается частным — и потому частичным. Только передача посреднических функций обществу в целом делает экономические связи универсальными, порождая новый уровень экономической целостности.

* * *

Техническая сторона производства не существует у человека сама по себе, независимо от социально-классовых отношений. Всякая технология — отражает определенный способ производства вообще, с присущими ему производственными отношениями. Поэтому абстрактные апелляции к технике — это уход от осознания того, что в этой технике связано с природой — а что с культурой, со сложившимися в обществе способами освоения природы.

* * *

Нарушение непрерывности развития производительных сил не обязательно связано с их частичным разрушением. Это лишь один из возможных видов разрывности. Например, разрывность производной от непрерывной функции — при сохранении объемов производства, резкое изменение темпов роста. Соответственно — уровни кризисов.

Изменение структуры производительных сил уже на стадии империализма возможно без снижения уровня производства, только за счет снижения темпов роста. Революции происходят на разных уровнях — и чем цивилизованней общество, тем более сглаженными оказываются разрывы в развитии производительных сил.

* * *

Товарное производство предполагает рыночные отношения в сфере потребления, которые есть не что иное, как выражение особых производственных отношений, характерной чертой которых является распыленный труд формально независимых производителей. Пока производство таково — неизбежен товарный обмен, толкающий общество к капитализму. Частная собственность — его правовая сторона.

* * *

Положение того или иного производителя в экономике определяется способом включения его в производство, а отнюдь не масштабами деятельности этого производителя. Так крестьянин-единоличник может быть либо мелкотоварным производителем — либо (как в развитых капиталистических странах) частью крупного капиталистического аграрного производства, контролируемого преимущественно финансовым капиталом. Точно так же, мелкий ремесленник может работать либо сам по себе — либо как особое звено более крупного производства, управляемого кем-то другим. В последнем случае фермер или ремесленник, по сути дела, почти не отличаются от рабочих какого-нибудь промышленного гиганта — это просто разные уровни пролетариата. Крупное производство не может существовать без тысяч мелких, вспомогательных производств; промышленность иерархична — следовательно, неоднороден пролетариат. Каким бы ни был исходный уровень индустриализации, перевод экономики на некапиталистические рельсы потребует новых способов соединения отдельных производителей в едином общественном хозяйстве, новых иерархических структур.

* * *

Формы капиталистических предприятий образуют особую иерархию, в которой иерархическая структура проявляется как контроль: высшие уровни держат контрольный пакет акций более низкого уровня. Но сами подконтрольные предприятия могут быть держателями акций более высокого уровня, в том числе — частично контролировать тех, кому они подконтрольны. Здесь возможны обращения иерархии, когда какое-либо предприятие низкого уровня скупает контрольный пакет высокого уровня и выходит на вершину иерархии. Как и в любой иерархии, здесь скачки через несколько уровней менее вероятны, чем постепенное движение снизу вверх, по ступеням иерархической лестницы. Однако резкие перестройки иерархии все-таки возможны, главным образом в кризисных ситуациях, когда иерархические связи становятся достаточно расшатанными, а сама иерархия свертывается, теряет многоуровневость.

* * *

Если уподобить экономику живому организму, транспорт — подобен его кровеносной сети, а связь — его нервная система. Развитие связи, усложнение информационных потоков — без этого экономика не может стать разумной.

* * *

Развитие производительных сил — основа развития культуры в целом. Новые технологии требуют новых производственных навыков; внедрение их в массовом масштабе требует перестройки системы образования. Образование, собственно, и призвано было обслуживать потребность производства в квалифицированных кадрах. Однако воспроизводство человека подчиняется тем же законам, что и любое другое производство. В частности, неизбежен переход от «штучного» к «потокному» производству специалистов — а от него к универсальному, общему образованию. «Технический» уклон в культуре — всегда явление временное, органически связанное с начальными этапами технологических революций. Обычный противовес — стремительная «гуманитаризация» образования на стадии относительно устоявшегося способа производства. Всестороннее, универсальное образование при капитализме — достояние весьма немногих. Только с преодолением капиталистического способа производства может образование стать по-настоящему доступным каждому человеку, на любом этапе его жизни. Тогда универсальность, всеобщность становится осознанной — и представляет собой разум как таковой.

* * *

Развитие капиталистической экономики происходит так, что основная масса трудящихся оказывается со временем занята в непроизводственной сфере, и основным товаром становятся услуги. Производство вещей здесь уже не требует непосредственного участия человека, оно лишь направляется им. Но вытеснение живых людей из материального производства в управление и сферу услуг возрождает, на новом уровне, мелкотоварное производство, характерное для докапиталистических формаций; тем самым сохраняется та основа, на которой вырастает капитализм — для преодоления его требуется капитализация производства на всех уровнях. Попытки построения социализма при слаборазвитой непроизводственной сфере обречены на неудачу, даже если материальное производство демонстрирует все признаки зрелости.

Чем универсальнее производство, чем меньше требует оно живого труда, тем свободнее люди в нем. Мелкотоварное производство любого уровня предполагает тесную взаимозависимость людей, завязанность их друг на друга. Человек вписан в жесткие рамки воспроизводственных связей с другими людьми, он не может вырваться из своего ближайшего окружения, придать своей деятельности подлинно человеческую всеобщность. Только там, где продукт деятельности предназначен для всеобщего потребления, где он достаточно обезличен, чтобы представлять собой нечто общечеловеческое, — только в этих условиях человек становится свободен, и чувствует себя таковым. Иначе говоря, человек производит не полуфабрикат, не заготовку для чего-то другого, — но вполне законченную вещь; он уже не часть производственного организма — а самостоятельный организм. Человек может сказать: «Я это сделал сам», — это начало субъектности, всеобщей рефлексии.

Применительно к сфере услуг, подобная всеобщность означает, прежде всего, самообслуживание. Но не примитивная самодеятельность, не грубая кустарщина; речь идет о возможности индивидуального доступа к самым современным технологиям и о такой организации дела, когда от человека требуется лишь четкость мысли, умение сформулировать задачу, решение которой — уже содержится в материальной культуре.

* * *

Капитал не есть вещь — это отношение между людьми; но любое отношение между людьми — проявляется в вещах, не может существовать вне вещей. Вещь не была бы капиталом, если бы не было определенного общественного отношения; однако если нет вещи — нет и капитала. Даже в самых опосредованных своих формах, на уровне абстрактного обращения символов капитала, ценных бумаг, — капитал сохраняет свою материальную определенность,

отнесенность к той или иной сфере материального производства. Помимо этой формальной определенности, капитал привязан к вещам и другими, более основательными узами: любые его проявления — только отголоски происходящего в материальной сфере, и любые изменения в материальном производстве немедленно отражаются на рынке ценных бумаг. Кажущееся влияние финансового капитала на производственную сферу — одна из иллюзий капитализма. Никакие финансовые махинации, никакое регулирование «сверху» — не способны изменить положение дел в производстве, если производство не готово принять эти изменения, если само это «регулирование» не есть выражение уже наметившихся в производстве тенденций.

* * *

Товарное производство проходит в своем развитии путь от единичности, от первых случайных проявлений и неоформленных тенденций — к всеобщности, универсальности. Капиталистическое производство и есть всеобщая форма товарного производства — когда товаром становятся не только вещи, но даже абстрактные отношения вещей.

* * *

Определяющая черта товарного производства — установление общественной взаимосвязи между отдельными производителями через обмен. Общественный характер труда здесь скрыт, не сознаваем самими производителями, формально противопоставленными друг другу как совершенно независимые субъекты — собственники. Общество в целом поэтому не может стать всеобщим субъектом, выражающим всеобщее каждого из его членов; общественное целое при максимальном развитии товарного производства, при капитализме, — это лишь организм, с присущей именно этому уровню, органической связью его частей — органов. Именно потому капиталистическое общество должно быть расколото на отдельные индивиды — классы, каждый из которых является носителем особенной, частичной субъектности. Органический тип общественной связи предполагает различие, противопоставление особи и вида, индивидуального и общего. И развивается такое общество по биологическим законам, что и отражается в разного рода философиях, столь же частичных, как и общественные слои, питающие их.

* * *

Экономические кризисы — выражение объективного несоответствия производственных отношений уровню развития производительных сил. Однако это не значит, что кризисы возникают стихийно, сами по себе. Разумеется, такое тоже возможно — особенно на ранних этапах развития капитализма. Однако со временем преобладать начинают кризисы искусственно вызванные, срежиссированные теми или иными слоями империалистической буржуазии. Как и любое другое явление, кризисы подвержены субъектному опосредованию: путь от материальных причин кризиса до конкретных форм его развертывания лежит через деятельность людей.

* * *

Обмен есть один из моментов воспроизводства, одна из форм связи производства и потребления. В этой связи производство и потребление противопоставлены друг другу, выступая как противоположности. Развитие противоположности между производством и потреблением все больше удаляет их друг от друга, делает их относительно независимыми, так что становятся возможными противоречия между ними. Проявление такого рода противоречий — экономический кризис, неминуемая беда товарного хозяйства вообще. Натуральное хозяйство, в котором производство и потребление слиты воедино, связаны непосредственно, принудительным образом, — это хозяйство не знает экономических

кризисов, поскольку здесь, при низкой производительности труда, на первый план выступает отношение человека к природе, а не отношения между людьми. Собственно говоря, само воспроизводство на основе натурального хозяйства не является экономическим — происходит оно как естественный процесс, а не как сознательный выбор разумного человека. Аналитическая стадия, когда производство и потребление противопоставляются в процессе обмена, — необходимый этап движения к подлинно человеческому, разумному воспроизводству, в котором устанавливается синтетическое единство производства и потребления, не отождествляющее их.

Упрощенно выражаясь, можно сказать, что натуральное хозяйство подчиняет потребление производству: что есть, то и потребляется. Товарное хозяйство, основанное на обмене, отделяет потребление от производства, делает их связь случайным проявлением рыночной стихии как объективной, не зависящей от человека необходимости. Разумное, человеческое хозяйствование подчиняет как производство, так и потребление, нуждам общества, устанавливая их закономерную связь: если есть нужда в чем-либо — оно должно быть произведено, а если что-то производится — оно становится нужным для всех.

* * *

Пока производитель участвует в общем производстве, и результат его труда важен в своем вещном виде, качество продукта определяет саму возможность труда. Как только обмен становится товарным — качество товара уже не существенно, важна только возможность продать его. Во всеобъемлющей товарной экономике потребителю предлагается выбрать не между плохим и хорошим, а между плохим и очень плохим.

* * *

Семья в самой основе своей нестабильна. Поэтому нельзя делать ее экономической единицей, нельзя доверять семье.

* * *

Чтобы человек мог полностью отдаться блаженству и подвигу рефлексии, он должен передать свои полномочия на непосредственно предметное производство машинам, автоматам. Однако нельзя поручить машинам сегодняшних человеческих забот, не «научив» их рефлексии. Машины должны стать разумными, чтобы человек продолжал оставаться разумным, то есть не остановился в своем развитии.

* * *

В самом названии «общественная собственность» уже заложено противоречие. «Собственность» — значит, *не общее*. «Общественная» — значит, *общее*. Здесь отражено возникновение общества как субъекта, как более высокого уровня его развития. Противоречие в отношениях (собственности) имеет основу в объектной противоречивости, т. е. должно найтись аналогичное противоречие *в продукте* производства, как материальном субстрате, воплощающем производственный процесс. В частности, продукт, с одной стороны, есть продукт *индивидуального* труда — а с другой, это *общественный* продукт. Таким образом, продукт может быть *и* товаром, *и* не товаром — равно как и труд. По отношению к индивиду, продукт товар, *поскольку* он производится для обмена (в конечном счете, обмен между уровнями субъекта). Однако по отношению к обществу продукт есть предмет *непосредственного* потребления, так что он не вступает в циклы обмена и потому в принципе не может стать товаром. Уже на индивидуальном уровне обмен становится не стихийным, как раньше, а необходимым для общества, плановым — ибо есть более высокий уровень субъекта, координирующий все процессы нижнего уровня.

* * *

Существуют ли производства, в которых субъектом труда выступает общество в целом? Сейчас, по-видимому, нет, но в будущем могут возникнуть. Например, производство личностей, творческих индивидов — общественное воспитание.

* * *

Когда некоторый продукт используется в производстве, создатель этого продукта участвует в деятельности — опосредованным образом, через вещь, в которой воплощен его труд. С другой стороны, люди, непосредственно занятые в том или ином производстве, как правило, работают не голыми руками, а используют орудия труда и способы их употребления, выработанные другими людьми. Тем самым их деятельность также становится опосредованной, предполагающей использование труда других, а следовательно — общение.

В таком случае, что есть «непосредственное» участие в производстве? Например, если мы говорим о заводе, выпускающем автомобили, — все работающие здесь непосредственно заняты выпуском автомобилей. Постоянный капитал (стоимость исходных материалов и оборудования) переносится на конечный продукт (автомобиль), вместе со стоимостью рабочей силы (переменный капитал) — которая к тому же создает и некоторую прибавочную стоимость.

Однако вполне можно полагать, что сборочный цех этого завода есть самостоятельное производство, исходные материалы для которого поставляются всеми остальными цехами (подготовительные производства). Тогда, по отношению к сборке автомобилей, постоянный капитал включает в себя не только стоимость первичных материалов — но также и амортизацию оборудования подготовительных производств, и стоимость задействованной в них рабочей силы, и порождаемую ей прибавочную стоимость. Переменный капитал здесь — лишь стоимость рабочей силы, участвующей в сборке; соответственно, лишь она порождает прибавочную стоимость.

Точно так же, в самом сборочном цехе можно выделить отдельные производства, соединенные технологической цепочкой, так что завершающая стадия может опять-таки считаться самостоятельным производством; прибавочная стоимость на этой стадии порождается лишь теми, кто участвует в ней, а труд всех остальных — лишь переносится на конечный продукт.

В капиталистическом обществе подобное обособление частичных производств — вполне реальное явление. Именно так осуществляется капиталистическое разделение труда: технологические связи постепенно опосредуются товарным обменом — и в конце концов становятся только товарными, так что различные звенья одной технологической цепочки превращаются в формально независимые производства. Во многих случаях подобное рыночное опосредование сильно затрудняет сам процесс производства — капиталистическая экономика выходит из положения путем создания разного рода объединений (концернов, синдикатов, трестов и т. п.), внутри которых рыночные отношения ограничены, подчинены требованиям технологии.

Учитывая, что любая стоимость порождается человеческим трудом, можно прийти к выводу, что «постоянный капитал» по сути не отличается от «переменного капитала» — это разные формы одного и того же, разные уровни одной иерархии. То, что по отношению к одному производству является переменным капиталом, — по отношению к его подуровню есть постоянный капитал; и наоборот: любое производство включено в экономические структуры более высокого уровня — и на этом уровне часть постоянного капитала становится переменным. В целостной экономике каждое производство связано с каждым — и различие постоянного и переменного капитала вообще снимается. Однако здесь происходит также снятие различия между стоимостью и ценностью вещи, между производством и потреблением. Вообще, любое обособление, выделение отдельных сторон воспроизводства — предполагает

переход от экономического целого к отдельным его частям; такое рассмотрение обосновано только тогда, когда эти части действительно становятся относительно самостоятельными в процессе развития экономики.

* * *

Стоимость товара — определяется уровнем производства; цена — характеристика сферы товарного обмена. Взаимосвязаны они лишь поскольку производство и потребление суть две стороны единого процесса воспроизводства. Но точно так же, как воспроизводство при капитализме распадается на формально самостоятельные сферы производства и потребления — стоимость и цена противопоставлены друг другу и подчинены различным экономическим законам.

* * *

Стоимость не есть ценность вещи, поскольку последняя предполагает субъективное восприятие, единичное отношение вещи к человеку (пусть даже выступающему как группа, как сообщество). Основное определение стоимости — это всеобщность. Собственно говоря, стоимость и есть выражение всеобщего в процессе обмена: продукт здесь не просто вещь — он производится не как предмет потребления, а как предмет обмена, товар. Стоимость ничего не говорит о том, как вещь потребляется человеком — важна лишь сама возможность акта обмена, безотносительно к его конкретным участникам. Пока обмен сводится к случайному отношению двух людей — ни о какой стоимости речи нет; только если обмен происходит всеобщим образом, как общественно санкционированный и общественно регулируемый процесс, — только тогда вещи в нем фигурируют как стоимости.

* * *

Поскольку стоимость выражает всеобщее в процессе обмена, она как правило не проявляет себя непосредственно, в каждом единичном его акте. Общественная взаимозависимость между различными и внешне самостоятельными частями разделенного общественного труда, объективная связь между формально независимыми производителями — устанавливается за их спиной. Стоимость проявляется в единстве рынка, выявляя целостность расколотого на мельчайшие крупички, постоянно разъедаемого противоречиями общества. Общественно необходимое распределение труда скрыто за внешней хаотичностью его разделения — стоимость же и есть мера общественно необходимого труда.

* * *

Реальный процесс обмена между различными отраслями производства не требует, вообще говоря, какого-либо особого аппарата. Однако стихия здесь постепенно ограничивается: сначала экономические, потом политические рычаги управления. В кризисных ситуациях прежде всего разрушаются высшие слои управленческой машины, потом — экономические ограничения. Впрочем, разрушение это не абсолютно — оно лишь создает предпосылки новых надстроечных структур.

* * *

Всякое производство есть непосредственно потребление — поскольку для изготовления чего-либо всегда требуется нечто другое, материал. Нельзя делать вещи из ничего — это материализм. Последовательный материализм — это еще и признание субстанциональности мира, его расширенного самовоспроизводства. В частности, всякий продукт — это не только материал, но и сам способ производства, запечатленный в форме вещи. Труд человека — один из уровней развития мира, человек — необходимое звено материальной связи вещей.

Соответственно, процесс воспроизводства предполагает расширенное воспроизводство человека, субъекта.

В рамках капиталистического способа производства, способность человека создавать нечто новое, преобразовывать исходный материал в конечный продукт, содержащий больше, чем заложено в материале, называется рабочей силой. Воспроизводство человека сводится здесь к воспроизводству рабочей силы — которая становится таким же товаром, как и любой другой. Стоимость рабочей силы, как и стоимость любого другого товара, определяется общественно необходимым временем ее воспроизводства — включая перенесенную стоимость, т. е. время, необходимое для производства всех вещей, которые служат для поддержания жизни и трудоспособности человека. Цена рабочей силы точно так же есть выражение общественно необходимого времени ее потребления — и может значительно отличаться от стоимости в условиях рыночной неустойчивости, характерной для капиталистической экономики.

Традиционно о потреблении говорят применительно к воспроизводству человека, тогда как воспроизводство материальных условий его жизни и деятельности относят к сфере производства. Подобный отрыв одного уровня воспроизводства от другого связан с характером наличных производственных отношений, когда эксплуатируемое большинство рассматривается лишь как рабочая сила, один из винтиков производственного механизма — а слово «человек» относится только к представителям господствующего класса; соответственно, потребление господ противостоит потреблению рабов как «непроизводственное» потребление — потреблению «производственному». Поскольку же формы общественного сознания соответствуют, прежде всего, сознанию господствующего класса, сфера потребления (т. е. потребление господ) оказывается противопоставленной сфере производства (включая минимальное, достаточное только для поддержания сил потребление рабов) — в том числе, и в сознании самих рабов.

* * *

В связи с выделением переменного капитала как такой стоимости, которая способна породить прибавочную стоимость, возникает ряд принципиальных вопросов:

1. Если какая-то вещь, имеющая полезные для человека свойства, возникает без участия человека, в силу особых материальных условий, как закономерность движения (и развития) материи — можно ли считать, что при этом появляется некоторая стоимость, не обязанная своим возникновением живому труду? Например: на дереве выросло яблоко, оно созрело и свалилось прямо в руки человеку — осталось только его съесть. Или: автоматизированная линия выпускает одинаковые изделия на протяжении многих лет без какого-либо вмешательства человека, перенося на них стоимость сырья и часть стоимости оборудования (амортизация).
2. Когда человек и машина выполняют одну и ту же операцию (например, загрузка бункера сырьем по сигналу) — создается ли прибавочная стоимость? Если да — следует признать, что сама по себе работа машины порождает прибавочную стоимость. Если нет — тогда почему продукция машинного производства продается дороже, чем сырье и оборудование сами по себе?
3. Создается ли стоимость при появлении в результате человеческого труда качественно нового продукта, еще не усвоенного культурой, не нашедшего применения («бесполезные» изобретения)? Что происходит со стоимостью в результате обнаружения у некоторого продукта новых потребительных свойств?
4. Если человек выполняет некоторую производственную операцию не сам по себе, а лишь как орудие другого человека; если его участие в процессе производства подчинено целям, никакого отношения к этому производству не имеющим — будет ли его труд порождать новую стоимость? Можно полагать, что некто забивает гвозди при помощи молотка — но,

казалось бы, можно также считать, что кто-то строит дом при помощи этого «некто». Предприниматель в таком случае выглядит таким же трудящимся, как и те, кого он эксплуатирует.

5. Когда человек создает орудие производства, он косвенным образом участвует в любом акте производства, использующим это орудие. Более того, само устройство орудия предполагает определенный способ его применения — так что изготовитель орудия отчасти управляет действиями того, кто это орудие применяет; тем самым применение орудия превращает человеческий труд в механическую работу, делает его принципиально неотличимым от работы машины. Получается, что прибавочная стоимость (или, по крайней мере, ее часть) создается не тем, кто непосредственно занят в производстве, — а теми, чей труд воплощен в орудиях производства? Орудие с этой точки зрения есть «потенциальная» стоимость, создаваемая одновременно с «актуальной» в процессе производства орудия — и постепенно «актуализирующаяся» в процессе применения орудия (производственного потребления).

Но производство орудия предполагает использование других орудий — и так до бесконечности. Следовательно, в изготовлении любого продукта участвуют все люди, связанные технологической цепочкой — то есть, фактически, вообще все человечество! Как учесть степень участия каждого в производстве? Какая часть стоимости порождается непосредственным производителем?

* * *

Различение постоянного и переменного капитала, в какой-то мере, соответствует противопоставлению природы и человека, объекта и субъекта. Материалистический взгляд на вещи требует признать, что природа развивается не только за счет человеческой деятельности, а человеческая деятельность — лишь один из уровней существования материи. Иначе пришлось бы допустить, что само возникновение человека есть результат чьей-то деятельности; этот «потусторонний» субъект и называется богом. Но если в материи заложены и другие, отличные от человеческой деятельности источники развития — не следует ли ожидать, что в процессе расширенного воспроизводства прибавочная стоимость порождается не только рабочей силой, но и самими вещами, их природными (в рамках данной культуры) свойствами, вовлеченными в производственный процесс? Если вещь возникает сама, в силу чисто природных закономерностей, без участия человека, — она вполне может продаваться и покупаться наряду с другими, сделанными человеком, вещами.

На самом деле это не так. Стоимость — не свойство вещи самой по себе, а общественное отношение. До тех пор, пока вещь не включена в процесс товарного обмена, ни о какой стоимости и речи нет. Но такое включение не происходит само по себе — это результат человеческой деятельности; вещь надо сделать товаром — здесь и появляется стоимость.

С другой стороны, вещь практически никогда не выходит на рынок в своем природном виде. Чтобы продать сам по себе выросший банан, надо его сорвать, поставить на рынок, предварительно оформив как товар. Здесь также создается стоимость. Чем меньше подобных подготовительных операций — тем она меньше (хотя цена при этом может быть весьма высокой — поскольку она определяется совсем другими факторами). Разумеется, можно привести немало примеров торговли абстракциями, вроде земельных участков на Марсе. Как правило, такие торговые операции представляют собой обыкновенное жульничество — до тех пор, пока предмет купли-продажи не вошел в рыночное хозяйство более весомым образом, в качестве представителя каких-либо реальных экономических структур. Например, торговля марсианскими наделами может стать подготовительным этапом к действительному освоению Марса — подобно тому, как европейские колонисты стремились в Новый Свет, чтобы получить свой клочок «ничейной» земли, — как золотая лихорадка заставляла тысячи старателей покупать и осваивать участки, с которых большей частью так и не удавалось добыть ни грамма золота.

Торговые махинации не создают стоимости — они лишь перераспределяют ее. Более высокий уровень такого перераспределения — финансовые аферы (например, торговля «ценными бумагами» в расчете на ажиотажный спрос). Однако следует помнить, что разграничение сфер производства и потребления — лишь относительно; точно так же, обмен (как способ связывания этих двух сфер) включает в себя и производство, и потребление. А значит, в самом процессе обмена может создаваться стоимость — хотя далеко не всегда очевидно, к какому, собственно, товару она относится.

* * *

Повышение цен на продукцию сельского хозяйства сопровождается не меньшим (и даже большим) повышением цен на промышленную продукцию, которое, в свою очередь, вызывает новое повышение цен в сельском хозяйстве. Точно так же, удорожание сырья делает дороже все, что из него изготавливается, — и в частности средства его добычи. Всеобщий рост цен — закон капиталистического рынка, и никакие антиинфляционные меры не способны его остановить.

* * *

При капитализме труд человека зачастую оказывается лишен собственно человеческой определенности, ничем принципиально не отличаясь от работы животного, или машины. Рассуждения о том, что машина работает не сама по себе, а лишь приводится в движение человеком, — представляются тогда лишь наивным желанием людей польстить самим себе. Рабы ведь тоже работают по воле хозяев — а животное или машина не всегда послушны воле человека.

Как же тут быть с производством прибавочной стоимости? Входит ли рабочая сила, используемая для выполнения рутинных, стандартизированных операций, в переменный капитал — или ее следует отнести к постоянному, наряду с амортизацией оборудования?

Ответ на этот вопрос требует выхода за рамки отдельного производства и рассмотрения способа производства в целом. Стоимость — не есть просто выражение производственных затрат; это мера общественно необходимого (при данном способе производства) труда. Если какая-либо операция еще недостаточно автоматизирована, если производство в целом пока вынуждено прибегать к использованию ручного труда — остается общественная необходимость в привлечении к выполнению этой операции рабочей силы, и выполнение это сопровождается созданием новой стоимости. Если же операция достаточно обеспечена имеющимися средствами автоматизации и механизации — выполнение ее вручную не является общественно необходимым и, следовательно, не порождает стоимости. Человек при этом становится неотличим от машины. Разумеется, это растрата рабочей силы — поскольку она используется не по назначению, не создавая прибавочной стоимости. Однако подобное хищническое отношение к производительным силам — неизбежно на низком уровне развития общества, в рамках товарного хозяйства.

Есть еще одна ситуация, когда рабочая сила расходуется «непроизводительно», не создавая прибавочной стоимости, — однако с большой пользой для производства в целом. Это творчество, игра имеющимися возможностями ради появления новых. Так, изготовление первого образца новой техники предполагает определенную нестандартность, нетехнологичность. Впоследствии может оказаться, что для массового производства не потребуются никаких новых операций, и новая техника может производиться при помощи давно освоенных технологий. Выполнение ряда операций вручную при создании опытного образца полезно для их переосмысления — можно расценивать это как производство нового человека, глубже осознающего собственные возможности. С точки зрения рынка, речь идет о производстве рабочей силы — стоимости, порождающей новую стоимость.

* * *

Выделение переменного капитала как стоимости рабочей силы — связано с разделением единого процесса воспроизводства на самостоятельные, относительно независимые друг от друга акты производства и потребления, связанные через сферу товарного обмена. Капиталиста не интересуют люди, ему важно только чтобы производилось достаточное количество вещей; важно, чтобы за эти вещи кто-то заплатил — а послужат ли они человеку или будут просто уничтожены — капиталисту все равно. С точки зрения капиталиста, использование рабочей силы подобно использованию животных и машин: требуются определенные затраты для поддержания их в рабочем состоянии — а также некоторое количество «энергоносителей» для приведения в действие. Поэтому переменный капитал в буржуазной экономической науке по сути дела отождествляется с издержками производства — вынужденные расходы на амортизацию техники и пропитание рабочих...

Но с точки зрения общества в целом — воспроизводство человека не менее важно, чем производство вещей; более того, производство вещей подчинено воспроизводству человека, в его всеобщности — а не только как рабочей силы. Развитие производительных сил происходит вне товарного производства, оно связано именно с «непроизводительным» потреблением. Поэтому буржуазная экономическая наука, замыкающаяся в сфере рыночных отношений, не видит источников развития экономики — иногда просто констатируя его как голый факт, а иногда и отрицая всякую возможность развития. При этом не допускается и мысли о возможном изменении самого способа производства, об исторической неизбежности отмирания капитализма.

* * *

Когда появляется совершенно новый продукт — ему предстоит долгий путь до того как место его в человеческой культуре станет сколько-нибудь устойчиво определено. Иначе говоря, ценность нового продукта невелика (она определяется лишь возможностями использования для чего-то другого, нехарактерным для именно этого продукта способом). По мере того как общество открывает все новые способы применения продукта, ценность его растет. Впоследствии, когда структура человеческой деятельности изменяется, и продукты такого рода оказываются ненужными в ней (устаревание), — ценность уменьшается. Однако процесс этот не столь прямолинеен: бывает и так, что устаревшая вещь снова становится весьма ценной — если находятся иные, качественно отличные от старых способы ее применения.

В отличие от ценности, стоимость определяется не возможностями потребления, а способом производства. Чем меньше производство требует непосредственного участия человека, тем меньше стоимость изделия. Как правило, стоимость первых образцов значительно выше стоимости продуктов последующего массового производства.

Однако, если продукт еще не нашел своего места в культуре — как можно его продать? Кто станет покупать вещь, неизвестно для чего предназначенную? Возникает противоречие: продукт обладает значительной стоимостью — но ценность его мала, и рыночный спрос практически отсутствует. Цена изделия, поскольку она отражает издержки производства, должна быть велика — но она не может быть велика, поскольку нет заинтересованного покупателя.

Товарное хозяйство, следовательно, препятствует появлению новых продуктов, сдерживает творчество человека, не давая ему слишком удаляться от традиционных ценностей. Положительная сторона этого — поддержание преемственности культуры, «сглаживание» процесса ее развития. Пока речь идет об эволюции одного способа производства, о разворачивании содержащихся в нем возможностей — все в порядке. Но когда человечество перерастает старый способ производства — рынок становится непреодолимым препятствием для всего нового, и в обществе нарастают серьезные противоречия. В конце концов они разрешаются революционным взрывом, открывающим дорогу тому, что старый строй никак не

мог принять.

* * *

Наличие у продукта некоторой стоимости — неотъемлемая черта рыночной экономики. Продукт обладает стоимостью лишь постольку, поскольку он является товаром, — стоимость в процессе производства создается лишь постольку, поскольку продукт изготавливается специально для обмена, как товар. Например, если человек делает что-то для собственного удовольствия — это никак не связано с рынком, с товарным обменом — и деятельность человека не порождает стоимости. Но как только появляется перспектива продажи — труд превращается в работу, в порождение стоимости. Разумеется, деятельность, как правило, имеет обе эти стороны, так что часть ее представляет собой труд, а часть — работу. Соответственно, поскольку человек трудится — он человек; работа же превращает его в нечто абстрактное, в рабочую силу.

* * *

Когда продукт совершенно не пользуется спросом — он не может быть продан ни по какой цене. Однако производство его все равно требует сил и средств — иногда весьма немалых. С точки зрения рынка, такое расходование средств «непроизводительно» — оно не создает стоимости.

На самом деле, невозможно создать ничего нового, если ориентироваться только на рынок; новое создается трудом, а не работой. Расширенное производство, если оно ограничено уже имеющимся рынком, расширяется лишь количественно — и такое расширение возможно только до насыщения рынка, до полного удовлетворения спроса. Можно оттянуть этот момент на некоторое время (разумеется, неэкономическими методами). Однако рано или поздно экономическая необходимость заставит искать новые рынки. Очевидное неэкономическое (политическое) решение проблемы — территориальная экспансия, захват чужих рынков, насаждение своего «образа жизни» везде и всюду. Силой оружия людей заставляют покупать.

Но и здесь — лишь количественное расширение, которое с неизбежностью исчерпает себя. В конце концов, приходит время для качественных перемен, для изменения структуры производства. Тогда и появляется спрос на что-нибудь новое — и приобретают ценность вещи, появляющиеся в результате «непроизводительной» деятельности. Рыночная экономика просто вынуждает людей в таких ситуациях продавать продукты своего труда, выбрасывает на рынок новый товар. Постепенно производство теряет собственно творческий характер — и все повторяется сначала.

* * *

Человек делает что-то новое не потому, что ему это выгодно; новое создается вопреки всякой выгоде — просто потому, что человек не может иначе.

* * *

Человек производит не только материальное — он производит, прежде всего, самого себя как общественное явление, как саморазвивающуюся идею. Любой продукт человеческой деятельности предполагает, конечно, некоторый материальный носитель, вещь или совокупность вещей. Однако всякая вещь, произведенная человеком, есть также элемент культуры, она представляет определенное общественное отношение. Эта идеальная сторона продукта воспроизводится в деятельности наряду с его материальной оболочкой — и поскольку именно это идеальное составляет субъективную цель производства, можно говорить о производстве идеального как об особой, самостоятельной отрасли.

Поскольку при капитализме товарный обмен носит всеобщий характер и захватывает все сферы человеческой деятельности, товаром становятся не только вещи, но и отношения между людьми, идеи. Производство идей становится товарным — и подчиняется всем законам рыночного хозяйства. Идеальное имеет стоимость и цену.

Однако здесь есть значительное отличие от материального производства. Дело в том, что любая вещь — нечто единичное, и возможно производство ее во многих экземплярах, тиражирование. Соответственно, стоимость вещи — это общественно необходимое время производства одного ее экземпляра. Но любая идея — это всеобщее; идея есть в единственном числе, она уникальна. Идея не существует в пространстве и во времени — она вечна, и лишь проявляется в различных обликах в разные времена. Следовательно, нельзя определить момент возникновения идеи, нельзя говорить о ее производстве в том же смысле, что и о производстве материальных вещей. Точно так же, нельзя потребить идею до конца — идея не исчезает и не изнашивается в процессе ее потребления.

Что же тогда служит мерой стоимости идеи? И как эта стоимость переносится на другие продукты? Формально получается, что идеальное имеет бесконечную стоимость: общественно необходимое время производства здесь охватывает всю предысторию материального мира, а перенос конечной части стоимости на другие продукты в отдельном акте производства никогда не может полностью исчерпать ее.

Но как только речь идет о бесконечности, следует присмотреться повнимательней — а нет ли здесь выхода за пределы применимости используемых понятий? Бесконечность, по сути дела, есть просто переход в другое качество. Но творчество человека — вне экономики, оно просто не вписывается в рамки товарного производства. Экономическая наука, поэтому, не может замкнуться внутри себя, она так или иначе должна иметь в виду неэкономические процессы, приводящие к изменению способа производства.

Можно ли продать идею? Во всей ее полноте — нельзя. Абсурдно полагать, что всеобщее могло бы принадлежать кому-то одному: потому оно и всеобщее, что является достоянием всех. Если у меня есть мысль, и я делюсь ею с кем-то за деньги — я не забываю эту мысль, она остается со мной. Я уступаю лишь право использования этой мысли некоторым, вполне определенным образом. Но та же самая мысль может воплотиться совершенно другим способом — и никакая сделка не ограничивает моих прав на этот счет. Таким образом, продается лишь то или иное воплощение идеи — но не она сама. Товаром, следовательно, является не идеальное как таковое, а только одно из его конечных проявлений. Такое конечное проявление идеального, являющееся товаром, и называется *правом*.

Разумеется, правовая форма идеального не есть нечто безусловное и непреходящее — в отличие от самого идеального. В форме права идеальное выступает лишь в рыночной экономике; различные типы общественного устройства предполагают и разные конечные формы идеального. Поэтому «правовое государство» есть синоним государства капиталистического, и оно невозможно ни до капитализма, ни после его крушения.

«Производство идеального» при капитализме есть именно производство тех или иных прав — ограничение идеи до чего-то конечного. Но такое производство само по себе конечно, и характеризуется общественно необходимым вложением человеческого труда. Именно этот труд порождает стоимость идеального — усилия, направленные на то, чтобы сделать идею товаром, а не просто приобщиться к бесконечности. Это совершенно аналогично тому, как естественно возникающая вещь приобретает стоимость в процессе «преобразования» ее в товар, ее поставки на рынок.

Творчество человека при капитализме имеет, следовательно, две стороны: оно, конечно, направлено на создание нового, на «открытие» всеобщего в мире — однако всеобщее интересует человека лишь постольку, поскольку оно может быть ограничено и превращено в товар. Особый характер человеческого творчества в условиях капитализма проявляется в типично капиталистической, правовой форме — как авторское право. Например, всякое

использование изобретения предполагает соответствующие выплаты его авторам. Это пример частичной продажи права. Однако зачастую автор вынужден продавать свое право целиком — и капиталисты скупают чужие права, концентрируя в своих руках столько прав, сколько они могут купить, оставляя бесправными бедняков. В результате получается, что сам процесс творчества в значительной степени контролируется и направляется капиталом, тогда как сам творец опускается до положения рабочей силы.

* * *

Не всякие усилия человека порождают стоимость — но только усилия сознательные. Стоимость создается лишь там, где необходимо участие человеческого сознания, где еще не установлена природная связь.

* * *

Различные типы товарного производства — отвечают различным уровням стоимости. Так, простое товарное производство соответствует синкретическому уровню развития стоимости, когда стоимость неотделима от ценности, и непосредственно выражается в ценах. В развитом товарном хозяйстве соотношение стоимости и цены уже не будет столь простым — хотя и здесь средний уровень цен соответствует стоимости.

* * *

Орудие труда не существует вне человеческого общества, оно есть специфический продукт, имеющий — как продукт вообще — и объективную, и субъективную стороны. Это прежде всего некоторая вещь, с присущими ей «вещными» свойствами; но это и выражение определенного способа производства, воплощение всеобщих форм деятельности. Недостаточно иметь какое-либо орудие — надо еще и уметь использовать его по назначению. Соответственно, воспроизводство способа производства предполагает как воспроизводство его материальной, вещной основы — так и воспроизводство человека как субъекта соответствующей деятельности. При капитализме, когда труд отчуждается от человека, превращаясь в работу, — человек воспроизводится не как человек, не универсальным образом, а только как рабочая сила, овеществленная способность приводить в движение другие вещи. Поэтому принципиального отличия человека от машины здесь просто нет, и новые машины делают ненужными тысячи людей.

Человек-орудие как объект — принадлежит производительным силам; как субъект — он основа производственных отношений.

* * *

Воспроизводство общества предполагает воспроизводство всех его сторон — и его внутренних противоречий в том числе. Расширенное воспроизводство — это и расширенное воспроизводство общественных противоречий, приводящее к настоятельной необходимости их разрешения.

* * *

Хозяйственный процесс должен быть понят в его развитии, в становлении, эволюции и исчезновении отдельных его форм, как самостоятельное единство — и часть целого.

* * *

Даже когда отдельные элементы производственного процесса вроде бы выпадают из общей

связи, когда они кажутся чужеродными и случайными, — они все же обусловлены целым, приобретая, с одной стороны, особые формы под его воздействием, а с другой стороны — выражая собой необходимые направления дальнейшего развития производства.

* * *

Распределение по потребностям требует развитой материально-технической базы. Однако при любом уровне развития экономики потребности — это отнюдь не индивидуальная прихоть. Потребность отличается от желания своей всеобщностью — это спроецированная на индивида общественная необходимость. И если мне вдруг хочется съесть именно то яблоко, которое только что взял кто-то другой, — это всего лишь мое желание, а не потребность, — если, конечно, я могу получить другое, такое же. Но в особых общественных условиях даже личная прихоть может стать потребностью, и наоборот, потребность может проявиться как абстрактное желание.

* * *

Хорошо было бы уметь в хаосе тенденций экономического развития видеть не просто нагромождение структур, а нечто упорядоченное, иерархичное; в частности, это было бы полезно для определения основных направлений технического прогресса. Ясно, что последовательность открытий в науке и технике (как и развитие культуры вообще) — не случайна; она есть лишь одно из проявлений развития деятельности как таковой, разумной рефлексии. На каком-то уровне своего развития, человек подчиняет своей воле, делает разумным и само это развитие — тем самым включая в сферу своего влияния не только прошлое, но и будущее. Здесь принцип человеческого бессмертия.

* * *

Развитие экономики опирается на технологическое совершенствование как производства, так и потребления. Освоение новых, более эффективных способов деятельности предполагает:

1. изменение способа производства — включая и производительные силы, и производственные отношения; с одной стороны — это новые технологии, с другой — формы участия различных групп людей в производстве и потреблении, отношение людей к деятельности;
2. изменение уровня воспроизводства — того, как человек участвует в деятельности, насколько далеко он ушел от примитивно непосредственного воздействия на природу (и себя самого); высокоразвитое производство предполагает опосредованность, рефлексивность — иначе говоря, производство все больше зависит от развития культуры в целом, включая и такие «непроизводственные» сферы, как наука или искусство;
3. изменение самих людей, от образа жизни до физиологии; новые технологии вырастают не сами по себе — вместе с их внедрением меняются и условия существования человечества, что неизбежно сказывается на физиологических перестройках в цепи поколений; сначала — внешние признаки, другие нормы поведения; потом — изменение психологии людей, преобразование установок и предпочтений; наконец, демографические проявления.

Развитие экономики приводит к постепенному осознанию человеком того, что он есть не что-то внешнее по отношению к процессу производства, не абстрактный «субъект», реализующий во внешнем материале свою голую субъективность, — а один из моментов производственного цикла, составная часть производительных сил, воспроизводимая наряду с другими составляющими. Тогда производство самих себя становится для людей такой же производственной задачей, как и производство любого другого продукта — и способы ее решения вполне соответствуют уровню развития производительных сил.

* * *

Примитивное хозяйство: производится то, что должно быть непосредственно потреблено — самим производителем либо его близким окружением. Более высокий уровень: потребитель уже не единичный человек — производство ориентировано на определенный общественный слой, распределение продуктов опосредовано особой отраслью хозяйствования (сервис в широком смысле; в частности — торговля). Следующий этап: создание гибких производств, позволяющих подстраивать характеристики продукта под конкретного потребителя — и производить только на заказ, без промежуточных распределяющих инстанций. Внешне это выглядит как возврат к уровню непосредственности — однако на самом деле различие огромно. Для примитивного хозяйства круг потребителей заранее определен, связь производителя и потребителя жестко однозначна. В развитом, универсальном хозяйстве — потребитель заранее неизвестен, он может быть кем угодно и появляться в любое время. Производство должно удовлетворять потребности многих людей. Однако, в отличие от массового производства, запросы потребителей удовлетворяются индивидуально, не подгоняя вкусы под мертвый стандарт.

Все эти уровни так или иначе присутствуют в целостной экономике, нельзя произвольно перескочить от одного к другому — они представляют здесь всеобщие черты всякого развития. В частности, достижение высокой гибкости, универсальности производства возможно только на основе уже достигнутой высокой производительности.

Массовое производство предполагает интенсификацию оборота — резкий рост объемов продукта, ускоренное его потребление, стремительное моральное старение. Понятно, что подобным образом включенный в экономику продукт — это уже не продукт кустарного производства; изменяется не только назначение и способ употребления — изменяется само качество продукта, его материал и форма. Но тем самым продукт теряет некоторые свойства, небезразличные для потребителя. Массовое производство, таким образом, предполагает необходимость дальнейшего движения к универсальности.

* * *

Рыночная экономика складывается не случайно, она является необходимым элементом способа воспроизводства на некотором уровне его развития.

Способ воспроизводства есть единство способа производства и способа потребления; эти две стороны взаимно рефлектированы (взаимозависимы, взаимодополнительны). Для того, чтобы потребление стало иным, требуются определенные материальные предпосылки; обратно, для изменения способа производства необходимо развитие новых механизмов распределения его продуктов. До недавнего времени просто не существовало технической возможности учитывать потребности людей — и потому производство могло ориентироваться на них лишь «задним числом», основываясь на прежнем опыте потребления; но само потребление в этом случае зависело от наличия тех или иных продуктов, и лишь косвенно соотносилось с реальными человеческими потребностями. Рынок не ставит целью обеспечить людей всем необходимым — наоборот, он навязывает им то, что произведено без оглядки на их истинные нужды. Воспроизводство здесь является «естественным», оно подобно природным процессам, контролирует деятельность людей как внешняя сила.

Рыночный механизм распределения представляет, следовательно, потребности людей лишь весьма общим, абстрактным образом. Отсюда всевозможные конфликты производства и потребления, кризисы и перекосы в экономике.

С развитием компьютерных сетей учет конкретных запросов конкретных людей становится вполне достижимым. Тем самым складываются предпосылки новой экономической системы, в которой производство перестает быть автономным, подчиняется сознательной цели. Стихийное воспроизводство уступает место воспроизводству разумному.

* * *

Концентрация и централизация производства возможны как в рамках одной отрасли, так и с объединением в одном предприятии многих качественно различных производств. С одной стороны, возникают комбинаты, связывающие в рамках единого производственного цикла все его этапы, от подготовительных операций до сбыта готовой продукции. С другой стороны, появляются тресты, подчиняющие единому центру не связанные технологически производства. Различение этих двух сторон относительно, поскольку любое производство связано с любым другим в рамках единого хозяйства (индивидуального, национального, мирового); обратно, каждое производство есть объединение многих частичных производств, которые вполне могут обособиться и стать независимыми в системе всеобщего (капиталистического) разделения труда.

* * *

В рыночной экономике возможности для сравнения реального уровня жизни с показателями прошлых лет по финансовым параметрам сильно ограничены. Сопоставление стоимостей не дает представления об их предметном наполнении и доступности. В целом, все, вроде бы, растет — а как на самом деле? Сопоставление собственно количественных показателей производства малоинформативно, поскольку меняется структура потребления. Сравнить цены разных лет — дело безнадежное. Оценивать изменения в уровне доходов невозможно в денежном исчислении в силу неизбежной при капитализме инфляции.

Минимальным усовершенствованием было бы введение нормирования. Полагая, что совокупный продукт за каждый период составляет единицу, можно определить, какую долю этого продукта экономика направляет в каждый отдельный сектор. Например, стало бы заметно, что эффективная заработная плата трудящихся все время падает. Соответственно, планирование должно опираться не на абсолютные показатели (в натуральном или стоимостном исчислении), а на пропорции производства, доли совокупного продукта.

* * *

Основная методологическая проблема экономической теории — учет взаимосвязей производства и распределения. Для экономики капитализма (и для сферы товарного обмена в рамках иных систем) эта проблема выступает в форме различия стоимости и цены. Когда мы анализируем преобразование стоимостей — мы смотрим на все с точки зрения производства. С точки зрения материалиста, это первичная сфера, и начинать надо именно с нее, получить фундаментальные законы воспроизводства, а уже потом смотреть, как эти законы проявляются на практике. Но на практике в сфере товарного обмена стоимостей нет, а есть (рыночные или регулируемые) цены — и оценка состояния экономики всегда происходит по ценовым показателям. Цены весьма подвижны, они изменяются и в микро- и в макромасштабе. Более того, цены по-разному выражаются в различных системах учета (например, номинируются в разных валютах). Здесь раздолье для спекулянтов — в том числе, для спекуляций в теории. Буржуазные экономисты частенько подменяют стоимостный анализ анализом цен — и вместо объективного развития экономики говорят о ее субъективной стороне. Так в науку протаскивается философский идеализм, экономика ставится на службу правящему классу.

Может сложиться впечатление, что о стоимостях мы вообще ничего не знаем, поскольку они не наблюдаются сами по себе, и все, что мы видим, — изменение цен. На этом спекулирует философия позитивизма — дескать, давайте говорить только о реально наблюдаемых вещах, и только такое исследование будет подлинно научным. Но это глупость — любое сопоставление двух вещей уже выводит нас за рамки чистого наблюдения, ибо основание для сопоставления есть элементарная абстракция. Конечно, кому-то хочется, чтобы люди не заморачивались сравнениями, жили тем, что дают, и не смотрели, как живут другие. А то еще вдруг придет в голову потребовать свою долю...

В науке на каждом шагу мы сталкиваемся с косвенными выводами на основании эмпирического материала, опосредованными иерархией теорий. Особенно это бросается в глаза в квантовом эксперименте, когда внутреннее движение физической системы принципиально ненаблюдаемо. Тем не менее, квантовая физика бурно развивается, и это приносит ощутимые практические результаты. Точно так же и в экономике можно интерпретировать поведение рынков с точки зрения теории движения стоимостей — надо лишь понять, какого рода показатели соотносятся с предсказаниями теории. Очевидно, потребуются пересмотреть методы экономического анализа и выработать объективированную систему экономических показателей, наподобие того, как астрономия приводит к единому базису наблюдения, сделанные в разных местах в разное время. Это особая наука, без которой теоретической экономике не обойтись. Переход к такой, объективной экономике затруднен влиянием классовых интересов, политическим и идеологическим давлением. Но в конце концов это произойдет, и окажется, что экономические процессы столь же понятны и предсказуемы, как явления физики, химии или биологии.

* * *

Следует различать движение капитала, движение финансовых потоков и движение ценностей. Рассматривая движение капитала — мы выделяем его часть на обеспечение акта производства (постоянный капитал) и на собственно производство (переменный капитал); После всех превращений (организация производства, производство, сбыт, распределение, капитализация) мы имеем капитал для возобновления процесса воспроизводства. Здесь совершенно неважно, какие конкретно формы принимает капитал в процессе воспроизводства.

Для финансиста обращение капитала выглядит, казалось бы, похоже: мы авансируем некоторую сумму, получаем доход с инвестиций, превышающий сумму издержек на величину прибыли, и этот доход мы можем снова направить в бизнес. Если часть инвестиций переводится в вещную форму, мы все равно можем учесть ее текущую стоимость с учетом ликвидности, приводя все расчеты к некоторой денежной единице.

Однако сходство тут сугубо поверхностное — по сути же дела, финансовый учет принципиально отличен от учета экономического. Капитал не измеряется деньгами — это общественное отношение. В денежном выражении оборот капитала может по-разному выглядеть после приведения к разным единицам («валютам») — аналогично тому как одно и то же физическое явление по-разному выглядит в разных системах отсчета. Возможны денежные операции, не меняющие суммы капитала, — и наоборот, капитал может расти и без роста сумм на счетах, и даже при наличии финансовых потерь.

С точки зрения марксизма, капитал — это своего рода материя капитализма, он не исчезает, а только переходит из одной формы в другую. Деньги — лишь условное выражение капитала в определенных общественных обстоятельствах. Деньги сгорают — капитал останется. Именно поэтому состоятельные политические мигранты быстро восстанавливают свое финансовое благополучие на новом месте — даже без гроша в кармане они представляют собой капитал.

Однако вульгарный материализм в экономике (например, ранние экономические учения начала XIX века) предпочитает говорить не о стоимостях, а о товарной массе — и во главу угла ставит движение ценностей (продуктов общественного производства). Производственный цикл выглядит полной противоположностью финансовому обороту. Ценности создаются в процессе производства и (частично или полностью) уничтожаются в процессе потребления. Требуется снова и снова производить те или иные предметы потребления. Единый цикл воспроизводства распадается на множество производственных цепочек.

Но противоположность тут лишь кажущаяся. С одной стороны, можно включить в систему ценностей отношения между людьми (материальная и духовная культура) — и тогда возможно говорить не об уничтожении, а о превращении одних ценностей в другие, так что продукты производства не просто исчезают в процессе потребления, а создают условия для повторного

производства. С другой стороны, всегда возможно выбрать такую систему учета, в которой денежный оборот будет воспроизводить картину оборота ценностей. Движение финансов и движение ценностей — лишь два из бесконечности возможных *представлений* движения капитала, разные стороны одного и того же.

* * *

Перенесенная стоимость — совсем не то же самое, что перенос потребительной стоимости. Когда мы производим какую-то вещь, мы расходуем некоторое количество исходных материалов и заготовок, амортизируем оборудование, расходуем часть производительных сил... Все это превращается в материальную оболочку новой вещи. Однако стоимость продукта отнюдь не сводится к сумме стоимостей израсходованного. На новую вещь переносится не только материал, но и те общественные отношения, в рамках которых вещь получает совершенно определенное культурное предназначение и может быть использована особым, общественно значимым образом. С развитием общества эта часть капитала становится все весомее, и в развитой цивилизации она значительно превосходит по величине и значимости сугубо материальный компонент. Это как бы запечатленный в вещи труд тысяч поколений, совокупный исторический опыт человечества. Мы можем изобрести никому ненужную вещь — но опыт ее производства вольется в стоимость других вещей.

Отчасти именно поэтому цены товаров могут быть относительно независимы от колебаний цен исходных материалов — и было бы глупо ожидать снижения рыночных цен при любом удешевлении сырья. В цене бензина доля стоимости нефти, из которой он изготовляется, — значительно меньше перенесенной стоимости современных технологий, инфраструктуры нефтегазовой отрасли. Нефть может подешеветь — а бензин (или иные продукты нефтехимии) становится все дороже. Никакими искусственными запретами этот объективный процесс не остановить.

Все неизбежно дорожает — таков закон рыночной экономики. Поэтому для анализа реальных общественных последствий ее развития следует обратиться к относительным величинам, к пропорциям, к структуре производства и потребления — безотносительно к фальшивому оптимизму процентов прироста. Примите в каждый момент сумму капитала за единицу — и вы увидите его внутреннее движение, его живое дыхание, его зарождение и смерть.

* * *

Противоположность производства и потребления как двух сторон единого цикла воспроизводства в рыночной экономике проявляется, в частности, как противоречие между прибыльностью и ликвидностью. Как правило, наиболее прибыльные вложения капитала обладают слабой ликвидностью, они рассчитаны на перспективу и зачастую даже убыточны на стартовом отрезке предприятия. Однако в дальнейшем, если дело удастся раскрутить, это дает стабильно высокие дивиденды, практически устраняя риски потерь за счет случайных флуктуаций конъюнктуры. В пределе такие инвестиции срастаются с госструктурами, определяя инфраструктуру экономики в целом.

Если требуется получить доход быстро — следует выбрать максимально ликвидные формы вложений, позволяющие быстро перераспределять инвестиции без значительных накладных расходов и комиссионных потерь. В пределе такие вложения превращаются в спекуляции, прежде всего биржевые и валютные.

Однако в процессе развития экономики ни ликвидность, ни доходность не остаются стабильными. Помимо неизбежных краткосрочных вариаций, существуют общие тенденции экономического развития, изменяющие внутренние пропорции в цикле воспроизводства, строение капитала. Такие фундаментальные изменения не могут быть результатом чьей-то индивидуальной деятельности — они связаны с объективными законами экономического

развития. Со стороны может показаться, что удачливый предприниматель сумел повернуть дело выгодным для себя образом и значительно преумножить свое состояние. На самом деле все как раз наоборот — дело повернулось к выгоде одних и убыткам других. И в этом еще одно универсальное противоречие капитализма: бизнес не может быть честным, это всегда война.

* * *

Понятно, что продавец стремится максимально завысить цену, а покупатель заинтересован в том, чтобы ее как можно больше сбить. Рыночная цена поэтому не может, вообще говоря, считаться чем-то монолитным — это не величина, а процесс. В первом приближении можно говорить о двух видах цен, характеризующих, соответственно, платежеспособный спрос и уровень притязаний продавцов. Ни то, ни другое не соответствует напрямую стоимости товара, которая восходит к совсем другой сфере, к производству. Разумеется, уровень притязаний продавцов зависит от платежеспособного спроса — но не напрямую, и в любом кризисе есть нижний порог предлагаемых цен, который будет заведомо выше средней цены продаж (с учетом торга).

Разницы предлагаемой и ожидаемой цен приводит к количественной оценке активности рынка. Чем больше различие — тем глубже кризис. Хорошим индикатором здоровья экономики могут быть объявления о продаже, в сопоставлении с реальными оборотами.

Теоретически возможны ситуации, когда покупатель готов купить товар по ценам выше предложения. Это неустойчивое состояние, аналогичное, например, инверсной населенности уровней в физике (что формально соответствует отрицательным температурам). В экономике такие ситуации всегда связаны с ограничениями рыночного обмена — например, из-за проблем с логистикой, или в силу государственного регулирования.

* * *

Стоимость связана с общественно необходимым временем производства — однако связь эта вовсе не обязана сводиться к простой пропорциональности. В определенных пределах можно лишь допустить монотонность: с увеличением рабочего времени стоимость растет. Но даже это не гарантируется в более широких границах, когда производительность труда не постоянна, а зависит от объема работ. Например, если задача требует минимального времени, она считается легкой и работники склонные уделять ей меньше внимания; напротив, для слишком крупных задач сказывается эффект гипермобилизации, когда работник настраивается на длительную «осаду» и сознательно снижает темп производства, экономит силы. Да, по видимости это субъективный фактор; но поскольку он выражает объективный уровень развития культуры, его влияние на производство носит регулярный характер — и перерастает в общественную необходимость. В каких-то ситуациях связь стоимости с рабочим временем вообще может выйти за рамки функциональной зависимости и определяться интегральным образом, в зависимости от структуры экономики в целом.

Материализм в экономике означает, в частности, что любая связь экономических показателей исторична: ее возникновение связано с определенными общественными условиями, и живет она только при сохранении этой объективной основы. В рамках одной и той же общественно-экономической формации разные культуры вырабатывают свои способы «отоваривания» общественного продукта, превращения его в стоимость. Вот этим, по идее, и должна заниматься серьезная экономическая наука: каждый экономический строй предполагает не любые, а лишь вполне определенные механизмы превращения труда в стоимость. Их не так много — и их можно изучать. В зависимости от значения нескольких универсальных экономических показателей возникает иерархия возможных экономических структур, каждая из которых по-своему иерархична — что и определяет ее исторический облик, ее возможности и границы существования. Подобно тому, как единый механизм формирования звуковысотных шкал порождает все разнообразие исторических и этнических форм музыки.

* * *

Стоимость и цена — разные стороны одного и того же, но они все же разные. Даже если мы решим количественно выражать их в единицах с одинаковыми названиями. Отождествлять одно с другим — все равно что не замечать различия, скажем, американского и канадского доллара.

Для того, чтобы превратить стоимость в цену, надо задействовать специальный экономический механизм, превращающий продукт производства в рыночный артикул. Да, продукт в рыночной экономике производится не как предмет потребления, а как вещь на продажу, товар (и поэтому имеет стоимость). Но от склада готовых изделий до прилавка путь неблизкий. На этом пути с продуктом происходят всякие чудеса; в том числе, он подвергается дополнительной обработке, увеличивающей его стоимость, а также выводится из сферы производственных отношений и вписывается в рамки общественных отношений другого типа, связанных с господствующим способом распределения (собственно рынок, коммерция). Это не просто абстрактная операция, а совершенно реальный процесс — так что любая формальная связь стоимости и цены в экономике опирается на исторически сложившиеся и культурно обусловленные способы деятельности.

Можно сравнить это с рекурсией в математике, которая испокон веков служит источником путаницы в ученых (и неученых) головах. Формально вычисляя функцию f от вещественного аргумента x , мы получаем некоторое вещественное число $y=f(x)$, после чего, казалось бы, можно пойти дальше и вычислить величину $f(y)$. Не тут-то было! Аргумент функции и ее результат, строго говоря, принадлежат разным пространствам (X и Y соответственно), что и подчеркивается в определении функции как отображения одного пространства в другое:

$$f: X \rightarrow Y.$$

И вовсе не факт, что возможно какие-то элементы этих пространств отождествить. Например, если функция определена на отрезке $[0,1]$, а значения принимает в интервале $(1, \infty)$. Когда математик говорит об отображениях пространств в себя, типа

$$f: X \rightarrow X,$$

он неявно предполагает, что существует эффективная процедура преобразования результатов функции, приводящая их к ее области определения. А это как раз то, о чем мы только что говорили применительно к экономике.

Если мы пронумеровали пальцы на руках натуральными числами от 0 до 9, а потом теми же числами пронумеровали пальцы на ногах, — это никоим образом не говорит, что руки стали ногами, и наоборот. Физики знают, что всякое измерение (и нумерация как частный случай) предполагает некую единицу измерения — и у разных величин физически разные размерности. Точно так же, грамотный лингвист легко усмотрит за каждым случаем нумерации формально в речи не обозначенные, но подразумеваемые счетные слова, вроде «штука пальцев на руке» и «штука пальцев на ноге»; к тому же ни для кого не секрет, что одинаковые слова в языке могут обозначать совсем разные вещи, и в этом его выразительность и мощь. А математики, вот, запутались — и отсюда шум по поводу пресловутых теорем Геделя.

Следовательно, чтобы сопоставлять стоимость и цены, требуется указать, о какой именно экономике мы говорим, и в каких режимах ее функционирования. Если в этих границах существует устойчивый механизм преобразования одного в другое — пожалуйста, пишите формулы и пересчитывайте. Но если на каком-то этапе характер связи производства и распределения меняется — надо искать другие способы описания. Например, невозможно безоговорочное применение понятий экономики капитализма к социалистической экономике (в той мере, в которой она является социалистической, а не воспроизводит все те же рыночные структуры). И точно так же, когда Маркс говорит о соответствии суммы рыночных цен суммарной стоимости товаров — это не абстрактная формула, а выражение особого исторического этапа развития капитализма.

Даже такая простая вещь как определение курса канадского доллара по отношению к доллару американскому есть результат совсем не простой работы рынка, а также всех общественно-экономических механизмов, эту работу обеспечивающих. Как и следовало ожидать, причины экономических процессов лежат вне экономики, они связаны с объективно существующими возможностями сознательного преобразования природы, включая природу человека; это и называется исторический материализм.

* * *

Буржуазные экономисты стараются уверить население в том, что вопиющие различия в уровнях жизни — плод неправильной организации рынка, и что задача экономической науки будто бы сводится к выработке его «гармоничных» форм. Дескать, давайте установим выгодные всем правила торговли — и не надо будет никому ни с кем воевать...

Однако суть рыночной экономики состоит именно в том, чтобы уйти от эквивалентного обмена, от взаимной выгоды, от экономического равновесия. Выигрыш одного — это всегда проигрыш другого; таково неизбежное следствие сведения экономических отношений к чистому количеству. Соответственно, игроки на рынке заинтересованы в искусственном нарушении стабильности, приводящем к перераспределению общественного богатства в пользу тех, кто локальную нестабильность организовал. Понятно, что нельзя манипулировать обменом до бесконечности — дело это затратное, и производство в конце концов перестает справляться с накапливающейся паразитной нагрузкой. Поскольку единственный доступный рынку способ решения проблем — это перераспределение богатств, кризис неустраим: локальные кризисы гасят, перенося трудности на другие уровни иерархии, и постепенно кризис приобретает глобальный характер. Экономическая катастрофа позволяет начать новую жизнь на руинах — но с каждым разом подниматься трудней.

Кризисы меняют строение производительных сил. Не произвольно — а в сторону накопления антирыночных черт. Когда-нибудь очередной кризис придется преодолевать путем изменения экономической системы, уничтожением господствующей роли отношений обмена.

* * *

Марксизм говорит о внутреннем противоречии капитала, который есть одновременно и вещь, и общественное отношение. Не самая удачная характеристика — поскольку *любой* продукт человеческой деятельности обладает в точности такой же двойственностью. Чтобы вскрыть источник развития, надо найти *сущностное* противоречие предмета, которое заставляет его быть непохожим на все остальное. Да, вещи развиваются вместе с миром, которому все они принадлежат — но из этого мы еще не можем ничего конкретного заключить о каждой вещи. Разумеется, в контексте критики буржуазных экономической теорий можно указывать на неполноту трактовки капитала как только вещи или только общественного отношения. Дополняя собственно экономические рассуждения, такие указания расширяют и уточняют частные выводы. Но показать направления развития экономики им не дано.

Можно предположить, что исходным, определяющим для исследования капиталистической экономики станет фундаментальное противоречие элементарного акта обмена, в котором стороны (со своими экономическими интересами) заранее противопоставлены друг другу, так что качественное различие продуктов («потребительных стоимостей») снимается в их количественной тождественности как стоимостей. Сфера обмена противопоставлена сфере производства — и это противоречие капитализм доводит до антагонизма. Снятие противоречия требует принципиально иного подхода: полностью общественное производство направлено на удовлетворение общественных потребностей — доступ к общественному богатству открыт для всех, и сфера обмена просто не нужна, она устраняется из экономики. Разные производители дополняют друг друга, а не конкурируют; каждый вносит свой вклад в общее дело — а не выстраивает свое собственное.

* * *

Нельзя количественно сравнивать качественно разные экономики. Поэтому лозунг «догнать и перегнать» в условиях коммунистического строительства (сколь угодно эфемерного) означал на деле отказ от поиска новых путей, подстраивание под капитализм, — то есть, фактически, капитуляцию в классовой борьбе. Развал социалистической системы с самого начала был предрешен.

Для иллюстрации: в первые годы после революции и гражданской войны советской стране важно было как можно скорее удовлетворить хотя бы минимальные потребности населения, вырваться из петли голода. Единственным выходом была всеобщая индустриализация, переход к массовому производству, обеспечивающему быстрый количественный рост при ограничении качественного разнообразия. Унификация и стандартизация — типично капиталистические методы раскручивания рынка, способ встраивания новых экономических ниш в ту же систему конкуренции. В условиях централизации управления экономикой темпы роста ключевых экономических показателей гораздо выше. И вот, уже в середине 30-х годов, СССР опережает ведущие капиталистические страны по уровню механизации и автоматизации производства, о чем наверх поступают торжественные реликвии. Например, с гордостью сообщают, что основная масса хлеба выпекается на автоматизированных хлебозаводах — тогда как на Западе значительный процент хлебопекарен все еще использует ручной труд... При этом упускают из виду, что хлеб хлебу рознь, и нельзя сравнивать несопоставимое. Хлеб ручной выпечки — это особый продукт, иная потребительная стоимость. Это не только продукт питания, но прежде всего культурная ценность, вековая традиция. При любом уровне автоматизации останутся мини-пекарни, или иные формы ручного труда, связанные с воспроизводством культуры в целом, а не только ее индустриального фундамента.

Более высокий уровень развития технологий позволяет перейти от массового производства, от удовлетворения типовых потребностей, к индивидуализированному производству на заказ — так мы возвращаемся к качественному разнообразию, не теряя в производительности труда. Универсализация доходит до отрицания самой себя: нестандартность превращается в стандарт. Начало нового витка.

* * *

Капиталист подобен сказочному разбойнику, который сначала отнимает чье-то добро, а потом великодушно жертвует часть награбленного беднякам. При этом, с одной стороны, разбойник не обделяет и себя — а с другой, господам не составляет труда переложить потери на горбы рабов, и в любом случае получается, что одни бедняки грабят других.

Как только мы начинаем что-то делить (то есть, отнимать у одних и давать другим) — это подрывает экономическую стабильность. Никакая дележка не может быть справедливой, и единственное решение — уничтожить саму систему, снять противопоставление людей по отношению к вещам.

Например, Ближний Восток постоянно будет зоной войн и рассадником терроризма, поскольку никакие государственные границы не могут отвечать исторически сложившейся этнической чересполосице. Чтобы избавиться от вечной грызни народов, надо уничтожить всякие границы вообще. Нет Ирана, Ирака, Сирии или Турции — есть единый ближневосточный регион, и каждый вправе свободно перемещаться в его пределах, и любым образом участвовать в его экономической жизни. Нечто подобное (робко и нерешительно) попытались сделать в Европе, но капиталистическая конкуренция погубила политический эксперимент.

Поддержание собственнической системы распределения требует немалых ресурсов, которые таким образом изымаются из производства и потребления. Государство, с его бюрократическим аппаратом и силовыми ведомствами, — весьма обременительная надстройка над реальной экономикой. Но не будь государства — собственникам пришлось бы поодиночке и группами

отбиваться от экономических посягательств; феодализм еще расточительнее. Централизация управления, укрупнение масштаба, с одной стороны, повышает эффективность производства, но всякое развитие при этом ведет к разрастанию опухоли, и в итоге к ее злокачественному перерождению.

Отмена границ — первый шаг к свободе. Но именно этого буржуазия боится больше всего. Обывателя запугивают неизбежностью вторжения диких орд, разрушения векового жизненного уклада. На деле же речь идет лишь о сохранении контроля над награбленным, и здесь частично облагодетельствованное (за счет других народов) население развитых капиталистических стран выступает верным союзником собственных поработителей.

* * *

Основной принцип эффективного управления: всякое обоснование делается задним числом. Например, в условиях капиталистического разделения труда, всегда есть команда людей, которые делают дело, — и есть другая команда, которая занимается обоснованием действий первой. В это второе подразделение входят, в частности, экономисты и юристы, которые общими усилиями стряпают гладкую отчетность, чтобы действия всеобщего грабителя, государства, не мешали работать тем, кто еще пытается что-то создавать. Парадокс капиталистического способа производства в том, что «обоснователи» (сугубо сервисная группа) ставят себя выше работяг — и претендуют на большее вознаграждение. Отсюда разбазаривание средств. В конце концов бизнес падает из-за возникающих перекосов — но уроки из этого извлекать запрещено, и все начинается сначала.

* * *

Мелкотоварное (фермерское) производство возможно только на фоне развитой индустрии средств производства. Да, несколько человек (семья) могут обрабатывать большие участки земли, разводить скот, производить вина и печь хлеб... Но делают они это при помощи современного оборудования, и пользуются современными средствами доставки, и даже упаковка — уже выход на массовое производство.

Невозможно накормить страну одними лишь фермерскими продуктами. Этот сектор экономики работает для относительно зажиточной прослойки, для тех, чьи основные потребности всегда удовлетворены и кто может себе позволить попривередничать, побеситься с жиру. Пропаганда, реклама, шум в прессе — всего лишь недобросовестная конкуренция; все сводится к тому, чтобы сделать бедных еще беднее — и дать возможность богатым лишний раз ощутить свое «превосходство».

Технологическое развитие по сути своей предполагает упрощение и универсализацию орудий труда, так что решение сложных производственных задач уже не требует многочисленного и высококвалифицированного персонала. Достаточно уметь жать на кнопки. Но чтобы такое стало возможно — надо хорошенько потрудиться. В современном капиталистическом обществе передовой класс связан именно с этим производством условий производства. Мелкотоварное производство полностью зависит от этих индустриальных предпосылок, и потому играет заведомо подчиненную роль в экономике — и в общественной жизни. Классовая борьба разворачивается прежде всего в сфере массового производства, а мелкий производитель всегда будет колебаться между пролетарием и буржуа.

* * *

Буржуазные экономические теории — сплошная пошлость. Все сводится к субъективным движениям капиталиста (рабочие вообще не принимаются в расчет). Когда просвечивает что-либо вразумительное — это наверняка выдрано из Маркса, обычно без учета контекста, а часто и с идиотскими изменениями.

Задача буржуазного экономиста — замаскировать классовый характер экономической науки и подать апологетику под соусом строгой объективности. У Маркса все ясно: наемный рабочий производит новую стоимость своим трудом, перерабатывая вполне определенный объем исходного сырья и расходуя какие-то средства и материалы (что объективно определено уровнем технологического развития, производительностью труда). Часть затраченного ему возмещают в виде заработной платы, остальное капиталист нагло присваивает (прибавочная стоимость). Поскольку норма прибавочной стоимости в каждой экономике устанавливается объективно, оказывается, что объем поставляемого на рынок товара пропорционален заработной плате, — но буржуй (например, Кейнс) учитывает это при помощи абстрактного коэффициента, который интерпретируется как склонность капиталиста (типовая «наценка» на исходные вложения для получения цен продажи). Тем самым замазывается очевидный факт присвоения чужого труда.

* * *

Теория игр в классической книге фон Неймана и Моргенштерна преподносится как анализ экономического поведения. И до сих пор обывателя кормят сказками о якобы фундаментальной роли рыночной спекуляции во всяком экономическом начинании. Не совершь — не продашь, не продашь — не наживешься... Все с трепетом следят за динамикой биржевых индексов и курсами валют.

Суть же дела в том, что никакого отношения к экономике рыночные игры не имеют. Реальное производство и потребление увязано с объективным строением капиталистического хозяйства, воспроизводством его классовой основы, когда совокупный капиталист эксплуатирует совокупного труженика. Спекулятивный рынок (и политика) — всего лишь надстройка над этой действительностью, которая совершенно серьезна и не предполагает ни малейшей игривости. Спекуляция перераспределяет уже накопленное богатство — и служит своего рода защитным барьером, отделяющим настоящих хозяев от массы рабов. Это часть системы внеэкономического принуждения, способ духовного порабощения, — в дополнение к органам классового насилия. Разумеется, дело это весьма и весьма затратное — и ложатся такие игры тяжким бременем на экономику, высасывают из нее жизненные соки, иногда доводят до полного истощения и упадка. Но причина кризиса, конечно же, не в том — внутренняя противоречивость капиталистического миропорядка лишь внешним образом выражается в распаде надстроечных структур, подчеркивая тем самым их вторичный характер.

* * *

В основе классовой экономики лежит товарный обмен. Рынок — объективное выражение того обстоятельства. Но почему один продукт вообще возможно обменять на другой? Да потому что система внеэкономического принуждения заставляет людей становиться собственниками. И тогда другого варианта передать изначально отчужденную вещь другим — не существует. Только смена собственника, обмен.

Если никакой продукт не может быть отчужден, если он производится с целью удовлетворения общественной потребности, — никакой обмен просто невозможен. Экономический учет в обществе без рынка — это учет потребностей, а не накопленного богатства. Кому-то что-то нужно — мы дали ему это, и вещь больше не нужно учитывать, потребность удовлетворена. Появляется новая потребность — и каждый вносит вклад в ее удовлетворение, в том числе используя ранее полученное от общества, — и так до тех пор, пока ресурсов не станет достаточно, и можно приступить к созидательному труду.

Основное возражение апологетов капитализма: с чего ради кто-то отдаст свое имущество кому-то совершенно незнакомому? Он предпочтет потребить сам... Но в разумно устроенном обществе никому даже в голову не придет считать вещи имуществом, присваивать их. Полученное от общества — всеобщее достояние, и если его часть вернется в общее дело, это

совершенно естественно. Даже если ради некоторых важных проектов придется сознательно ограничить собственное потребление. Более того, есть такие продукты, которые как раз и предназначены для удовлетворения общественных потребностей — например, орудия труда. Кто занят в одном проекте — вероятно, не будет непосредственно участвовать в другом; однако имеющийся у него излишек доступа к средствам производства вполне может использовать кто-то другой.

Но самое главное — всеобщий экономический закон: если есть объективно-историческая потребность — обязательно найдутся те, кому захочется и будет по силам ее удовлетворить. Это просто две разные формулировки одного и того же. Объективно, люди хотят помогать другим — но уродливость классового общества им не дает свободно проявить эту первейшую потребность разумного существа.

* * *

Неуклонный рост цен в рыночной экономике — извращенная форма проявления всеобщего закона: всякий продукт представляет совокупный труд человечества в целом. За каждым производством — цепочка прямых и сильно опосредованных зависимостей, которая эффективно привлекает к участию в производстве данной конкретной вещи всех и каждого — включая тех, кто и представить себе не может ничего подобного. Труд прошлых поколений присутствует (снят) в каждом продукте, и потому с каждым циклом воспроизводства продукт становится объективно дороже — поскольку его стоимость связана с мерой общественно необходимого труда.

Внерыночная экономика, которая на место товарного обмена ставит плановое распределение совокупного общественного продукта, — опирается не на понятие стоимости, а на строение производства, технологические пропорции, — направляя их изменение в соответствии с общественными потребностями; в достаточно развитом обществе, и этот контроль становится излишним, и потребности каждого удовлетворяются непосредственно — поскольку они приобретают общественный характер.

При капитализме строение производства лишь косвенным образом связано с реальными потребностями людей. Основную роль здесь играет не потребительная стоимость вещи, а доступность товара — которая находится в обратном отношении к цене. Рост цен приводит к перераспределению рыночных предпочтений — и это вызывает изменение возможностей сбыта, что требует соответствующей подстройки производства. Управляя (нерыночными методами) доступностью товаров, государство и крупные картели способны вытеснять нежелательные производства (как в материальной, так и в духовной сфере) и формировать иерархию рыночного доминирования (от монополии до свободной инициативы).

Этот механизм лежит в основе инфляционных процессов. Рост цен на продукты крупных монополистов приводит к удорожанию зависимых от них производств — и прежде всего в сфере предметов потребления. Массовый потребитель тут же реагирует: если сыр для меня слишком дорог, я стану меньше покупать сыра и больше чего-то попроще; экономят на продуктах питания, на здоровье, на чистоте... Производитель товаров, которые стали хуже покупать (что не следует путать с их действительной востребованностью!), стремится выйти из положения, повышая цену, — но это еще сильнее сокращает рыночный спрос. Начинается разболтка, производства свертываются или закрываются. Контролируемая крупным капиталом пресса подливает масла в огонь, убеждая покупателя менять структуру потребления. В итоге некоторые производства (особенно в сельском хозяйстве) полностью разрушаются, и уже не подлежат восстановлению.

В разумно устроенной экономике исходят из реальных потребностей, а не из затрат: если остался хоть один человек, которому нужен вот этот продукт — его надо производить в нужных количествах. Да, такое производство не эффективно, оно тянет за собой сохранение других производств, которые уже не служат массовому потребителю. Но человеческий подход

к делу не в том, чтобы подсчитывать выгоду, — а том, чтобы изыскивать необходимые ресурсы несмотря ни на что.

* * *

Классический марксизм обосновывает необходимость уничтожения капитализма ростом производительных сил, который в конце концов приводит к возможности настолько полного удовлетворения человеческих потребностей, что сама идея эксплуатации одних другими станет излишней. Коммунизм видится как общество всеобщего процветания, свободного доступа каждого к любой части общественного богатства...

Это очень упрощенная картина может вести к серьезным теоретическим просчетам — которые на практике выливаются в миллионы напрасных жертв. Экономическая формация, помимо способа производства, характеризуется еще и строением сферы потребления. Одно тесно связано с другим. При любом уровне производства возможна такая организация распределения, когда одна часть общества окажется в заведомо привилегированном положении; более того, чем богаче общество в целом — тем глубже пропасть между трудящимся и паразитом. Больше производится — больше возможностей для разбазаривания.

Докапиталистическая экономика оставалась существенно локальной, ограниченной, — отсюда иллюзия о полноте счастья: достаточно поднапрячься, произвести вот столько, — и всем хватит. Производительные силы никак не дотягивали до утопической морковки. Ранний капитализм — это как преодоление звукового барьера: оказалось, что произвести можно значительно больше — и ради «общественной стабильности» приходится уничтожать излишки произведенного, вместе с излишними производителями...

Что получается? Представление о выходе на уровень всеобщего благоденствия применимо лишь в относительно замкнутых сообществах, и рост благосостояния вполне аналогичен росту энтропии в замкнутых термодинамических системах. Однако сама ограниченность такой системы говорит о неизбежности выхода из равновесной зоны — а там уже работают другие законы, чудеса нелинейной динамики.

Мир бесконечно велик. Поэтому у совокупного капиталиста всегда есть возможность сдвинуть старые границы, сделать систему открытой, — и новое равновесие складывается уже на уровне равновесных потоков, когда любые излишки успевают рассеяться в окружающей среде, так что выхода на полное удовлетворение потребностей принципиально не может быть. Все с самыми благими намерениями: например, под лозунгом космической экспансии человечества...

Уничтожение капитализма предполагает не только развитую материальную базу — но и такой рост сознания масс, при котором они уже не смогут терпеть вселенский базар.

* * *

После Маркса — выводить экономику из психологии, вроде бы, уже неуместно... Но так ли уж смешны рассуждения Шмоллера о первичности обычаев, религии, морали и права, — и о том, что экономическое поведение вытекает из «инстинкта конкуренции», а общественные институты возникают в противовес необузданной страсти обогащения? Вспомним ленинскую апологетику соревнования; вспомним настойчивость его супруги по части «общественных инстинктов». Да и у Энгельса проскальзывает мысль о семье как необходимой хозяйственной единице. На этом фоне бухаринские призывы обогащаться уже не удивляют. Получается, что марксизм недалеко ушел от буржуазных теорий духа — а без решительного преобразования этой области последовательный исторический материализм невозможен.

Искать логику в потоке событий возможно лишь следуя достаточно определенной идее. Какова цель экономического исследования — таково и его содержание. В этом смысле апелляции буржуазных экономистов к животности — вполне обоснованы, и строение экономики вполне

выводимо из биологических и психологических предпосылок (происхождение которых вообще не обсуждается). Чтобы построить неклассовую экономику — нужны не только призывы сломать и уничтожить, но и хотя бы минимальное представление о том, зачем это нужно. Другими словами, речь о потребностях всякого разумного человека — и с вопросами духа разбираться надо, без этого дело не сдвинется. А тут марксизм ничего предложить не смог: основной вывод — коммунизм построить можно; но нужно ли? и зачем? Быть может, людям и так хорошо — и пусть себе гниют в рыночном болоте...

Пока мы ссылаемся на природу человека — мы спорим с буржуями на их территории, и шансов получить прочное преимущество нет никаких. Из низменности выводится только низменность. Поэтому важно с самого начала подчеркнуть, что разум — особый уровень мира, несводимый ни к мертвой природе, ни к биологии. Разумность — не инстинкты, и не надо ни с кем сравнивать себя. Цель будущей (бесклассовой) экономики — разумное переустройство мира. Включая не только вещи или отношения по поводу вещей — но саму нашу способность как-то к чему-то относиться. Однобокая экономическая теория занята исключительно материальным производством; но Маркс (и Шмоллер!) не случайно выдвигали на первый план именно *политическую* экономию — а не тупую эконометрию. Политическую — как у Аристотеля, в смысле разумной организации общественной жизни в целом. Без серьезной постановки духовного производства (как другой стороны и необходимого дополнения материального производства) — экономические изыскания лишены опоры на действительное движение культуры, а это уже не материализм!

* * *

В классовом обществе принято отличать средства производства от предметов потребления. Точно так же, продукт как товар — вовсе не то, что обладает потребительной стоимостью для производителя. Конечно, булочнику или портному — тоже надо есть и одеваться; однако даже они вряд ли отведут часть рабочего времени на производство для себя — такие развлечения всего лишь хобби. Тем более было бы странно выдавать жалование таблетками, кастрюлями или кирпичами — а на оружейном заводе патронами или снарядами. С точки зрения рынка, работник производит не вещь, а стоимость, — а потому и вознаграждение получает знаками стоимости, которые можно обменять на любые другие (включая предметы потребления).

Бесклассовая экономика — не предполагает обмена: продукт не обменивается на другие продукты (прямо или через посредников), а *предоставляется* во всеобщее пользование (что предполагает столь же предметное предоставление услуг по опосредованию доступа). Речь не о том, чтобы все собрать в общую кучу — и потом разделить поровну; требуется лишь свобода общения, когда потребность одного становится известной всем — и всегда найдутся те, кто в состоянии произвести необходимый продукт. В этом контексте потребности — такой же общественный продукт, как и все остальное, и разумное потребление вообще не отличается от столь же разумного производства. Орудия труда (и средства производства вообще) — такие же предметы потребления; единственное отличие — сроки. Но, ведь, и бутылку молока можно выпить сразу — а можно понемногу, за несколько дней (да еще и поделиться с кем-нибудь). Так же и продукты духовного производства допускают разные способы производства и потребления: автор годами шлифует музыку или стихотворение — а слушатель или читатель снова и снова возвращается к нему, открывая все новые грани, — а кто-то использует музыку и стихи как средство создания образа на сцене или в кино. Одно перетекает в другое; и только классовое общество предпочитает разделять — чтобы властвовать.

<http://unism.pjwb.org>

<http://unism.pjwb.net>

<http://unism.narod.ru>